

Татьяна Касаткина

ПРЕДИСЛОВИЕ

© 2021. *Tatiana A. Kasatkina*

PREFACE

Человек для Достоевского выше всякого дела,
он сам и есть дело.

(Николай Бердяев)

В год 200-летнего юбилея Достоевского прерывавшаяся надолго серия «Произведения Ф.М. Достоевского: современное состояние изучения», в рамках которой вышли книги «Роман Ф.М. Достоевского “Идиот”: современное состояние изучения» [Касаткина, 2001] и «Роман Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”: современное состояние изучения» [Касаткина, 2007] получает свое продолжение томом, посвященным роману «Подросток», в создании которого приняли участие ученые России, США, Италии, Украины.

«Подросток» — и это отмечают почти все участники тома, а многие пытаются найти этому объяснение — наиболее обойденный вниманием читателей, переводчиков, иллюстраторов, режиссеров и постановщиков роман Достоевского. Верно это и в отношении исследователей. Поэтому авторов в томе меньше, чем в других книгах серии — а их статьи иногда гораздо больше по объему, чем было принято в предыдущих книгах, и представляют собой многоаспектные многолетние исследования. Основной задачей тома стало не только (и не столько) показать срез современных исследовательских интересов применительно к роману (хотя эту функцию том тоже вполне успешно выполняет), но выявить и продемонстрировать глубину проблематики романа, грандиозность его идей, степень его проработанности Достоевским, его обескураживающую современность: то есть — представить роман как плодородное поле

для исследователей, а не только предъявить уже собранный на этом поле урожай.

В предисловии я хочу сказать о том, что делает роман наиболее актуальным сейчас — и это вовсе не стремление главного героя к обогащению. «Подросток» — первый из романов Достоевского, в котором открыто на первый план вышло дело созидания человека; а как бы мы не относились к происходящему в наше время — но это первое в известной нам истории человечества время, когда родовые задачи человека отошли вдруг на задний план, уступив главное место задаче раскрытия своей личности, сделав стремление реализоваться как личность едва ли не основным в человечестве.

На мой взгляд, главной проблемой восприятия романа стала невнятность для читателя предельно ясной с точки зрения Достоевского аналогии, сопрягавшей «ротшильдovu идею» героя с самой фундаментальной и константной идеей автора, делавшей ее «тем же самым — и совсем другим».

Деньги в идее подростка для Достоевского — то, на чем только и возможно **наглядно, ощутимо** показать процесс собирания личностью ресурса, накопления личностных сил, созидания и «заполнения», насыщения индивидуального контура человека. Это долгое собирание и медленное насыщение предполагает в какой-то момент взрывную перемену природы человека, существовавшего в отъединенном и скудном мире нехватки, в котором он все стремится захватить внутрь себя, присвоить — и вдруг, максимально заполнив себя, ощущает, что тем не утоляет своей неизбывной нужды, что он — нищий до тех пор, пока удерживает все для себя; что чтобы избыть нужду — нужно поменять способ взаимодействия с миром, поменять вектор движения с затягивающего внутрь на отдающий вовне, стать вместо алчной черной дыры изобильным источником всему живущему. Татьяна Ковалевская в своей статье рассматривает деньги как трагическую ловушку, из которой герою нужно выбраться, — я бы предложила рассматривать их как тренировочную площадку, позволяющую на наглядном и осязательном материале получить метафизический опыт. Послушаем самого героя: «Мне не нужно денег, или, лучше, мне не деньги нужны; даже и не могущество; мне нужно лишь то, что приобретается могуществом и чего никак нельзя приобрести без могущества: это уединенное и спокойное сознание силы! Вот самое полное определение свободы, над которым

так бьется мир! Свобода! Я начертал наконец это великое слово... Да, уединенное сознание силы — обаятельно и прекрасно. У меня сила, и я спокоен. Громы в руках Юпитера, и что ж: он спокоен; часто ли слышно, что он загремит? Дураку покажется, что он спит. А посади на место Юпитера какого-нибудь литератора или дуру деревенскую бабу — грому-то, грому-то что будет! Будь только у меня могущество, рассуждал я, мне и не понадобится оно вовсе; уверяю, что сам, по своей воле, займу везде последнее место». [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 74]. И далее: «В мечтах моих я уже не раз схватывал тот момент в будущем, когда сознание мое будет слишком удовлетворено, а могущества покажется слишком мало. Тогда — не от скуки и не от бесцельной тоски, а оттого, что безбрежно пожелаю большего, — я отдам все мои миллионы людям; пусть общество распределит там всё мое богатство, а я — я вновь смешаюсь с ничтожеством! Может быть, даже обращусь в того нищего, который умер на пароходе, с тою разницею, что в рубище моем не найдут ничего зашитого. <...> Без сомнения, возразят, что это уж поэзия и что никогда я не выпущу миллионов, если они попадутся, и не обращусь в саратовского нищего. Может быть, и не выпущу; я начертал лишь идеал моей мысли. Но прибавлю уже серьезно: если б я дошел, в накоплении богатства, до такой цифры, как у Ротшильда, то действительно могло бы кончиться тем, что я бросил бы их обществу. (Впрочем, раньше ротшильдской цифры трудно бы было это исполнить.) И не половину бы отдал, потому что тогда вышла бы одна пошлость: я стал бы только вдвое беднее и больше ничего; но именно всё, всё до копейки, потому что, став нищим, я вдруг стал бы вдвое богаче Ротшильда! Если этого не поймут, то я не виноват; разъяснять не буду!» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 79–81].

В сущности, перед нами очевидное переложение знаменитого пассажа из «Зимних заметок о летних впечатлениях»: «Что же, скажете вы мне, надо быть безличностью, чтобы быть счастливым? Разве в безличности спасение? Напротив, напротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно

положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности. Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет нормально человека» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 79].

Если мы это видим и понимаем, становятся понятны смысл и художественная точность непонятого эпизода странной «пробы», «примерного шага» Аркадия, который покупает не нужную никому в свете кроме единственного человека, бросовую по объективной цене вещь — и получает на ней огромную выгоду, 400% процентов прибыли **именно и только потому**, что эта вещь связывает его покупателя с дорогими его сердцу людьми. Деньги — слабое подобие — но при этом доступный восприятию любого эквивалент той истинной связи между людьми, которую ищет подросток.

Вторая неочевидная идея Достоевского — это рассмотрение не учреждений и заведений, не карьер и дорог — но самих жизней других как пространства становления «моей» личности (это понимание, которое возможно реализовать лишь в повествовании от «я», по-другому эта идея невыразима) — и, в свою очередь, «моей» жизни как места реализации других и как места обретения ими недостижимого для них более нигде статуса (так безнадежно стремящийся стать святым, «отцом и учителем» Версилов изначально и неустраимо, неколебимо имеет этот статус в сердце Аркадия, как бы последний с ним не боролся и против себя не бунтовал) — **обожание** как (может стать, единственный) шанс **обожения**. Достоевский так писал об этом удивительном проявлении единства жизненного пространства человечества, когда бессмысленное страдание или незначительный эпизод твоей жизни становится определяющим событием в жизни другого, в черновых записях: «Попробуйте разделиться, попробуйте определить, где кончается ваша личность и начнется другая? Определите это наукой? Наука именно за это берется. Социализм именно опирается на науку. В христианстве и вопрос немислим этот. (NB. Картина христианского разрешения.) Где шансы того и другого решения? — Повеет дух новый, внезапный» [Достоевский, 1972–1990, т. 27, с. 49].

К.В. Мочульский считал, что «построение “Подростка” аналогично построению “Идиота”» [Мочульский, 1995, с. 489]. Но на самом деле это структурно взаимодополняющие романы. В «Идиоте» в уединенные, закрытые от других жизни каждого из персонажей идет с ними князь Мышкин. В «Подростке» каждая из жизней, особенно в своих самых бессмысленно катастрофических событиях, становится наглядно пространством, в котором только и может досовершиться перемена природы другого, обретение этим другим себя самого. Эти два вектора человеческих и божественных взаимодействий Достоевский объединит уже только в «Братьях Карамазовых».

«Братьев Карамазовых» «Подросток» предвещает и в том смысле, что перспектива жизни юного героя обозначена здесь как монашеский путь (опробованный им еще при служении «ротшильдовой» идее) и страдание до смерти за Церковь. Макар Иванович перед смертью завещает Аркадию нечто, кажущееся неожиданным и жизненно неоправданным — если мы не видим «ротшильдову» идею как приготовление, как этап освоения на доступном уровне, а не как противоречие «христовой» идее: «Положил я, детки, вам словечко сказать одно, небольшое, — продолжал он с тихой, прекрасной улыбкой, которую я никогда не забуду, и обратился вдруг ко мне: — Ты, милый, Церкви святой ревнуй, и еще позовет время — и умри за нее, да подожди, не пугайся, не сейчас, — усмехнулся он. Теперь ты, может быть, о сем и не думаешь, потом, может, подумаешь» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 330]. Умирать за Церковь в своем отечестве массово, всем поколением, время позовет Аркадия и его ровесников, служивших Церкви, когда им исполнится 63 года, в 1918 году. И это поразительный случай сбывшегося пророчества героя Достоевского.

В завершение скажу, что в этом томе, в отличие от остальных книг серии мы не предлагаем библиографии исследований последних лет, посвященных роману. Здесь функцию такой библиографии отчасти выполняют раздел «“Подросток” в исследованиях, предисловиях, переводах. Обзоры» и постатейные списки литературы. Составление же библиографии внезапно оказалось делом принципиально проблематичным: за последние десять лет в немалом количестве появились работы, опубликованные в журналах и проиндексированные в различных системах, которые при этом не могут быть включены в библиографию по теме из-за их беспрецедентно низкого уровня. Можно увидеть это как

катастрофу в науке — хотя в это же время о «Подростке» публиковались работы самого высокого уровня. А можно предположить, что реализовывать себя в науке ныне пытаются и те молодые люди, которые еще недавно не имели бы никаких шансов даже на первые шаги в этой сфере, что гораздо большему числу «подростков» ныне удается пробовать себя в разных сферах, ошибаться — и пробовать снова. Возможно, это не лучший способ построения карьеры — но это единственно возможный способ созидания себя.

Список литературы

Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Касаткина, 2001 — Роман Ф.М. Достоевского “Идиот”: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001. 560 с.

Касаткина, 2007 — Роман Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. 835 с.

Мочульский, 1995 — *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 606, [1] с.